

Родничок Михаила Дудина

Из блокнота писателя

Ждали самолет из Саратова. Он должен был совершить посадку в Иванове, забрать многочисленных пассажиров и доставить их в Ленинград. Но самолета все не было и не было. Наконец, по радио сообщили, что в связи со сложной метеорологической обстановкой в Саратове самолет ожидается лишь через полтора часа. В такие минуты авиапассажирами неизбежно овладевает чувство досады. Но Михаил Александрович, привыкший к передрам дальних дорог, побывавший даже на Северном полюсе, спокойно сказал:

— Ну, вот так-то... Мы вышли из аэровокзала и остановились. И тут радио вновь ожило и напомнило, что заканчивается посадка на самолет, следующий рейсом в один из райцентров области. Сзади хлопнула дверь, и мимо нас пробежали две женщины с чемоданами в руках. Одна из них вдруг приостановилась, поставила вещи на заснеженную дорожку и, поправляя выбившиеся из-под вязаной шапочки волосы, решительно спросила:

— Вы — Дудин?
— Я — Дудин! — с улыбкой, но не менее решительно ответил Михаил Александрович.
— Я вас сразу узнала, еще там, — кивнула она на здание аэровокзала.

Этот диалог длился всего несколько секунд, но я и сейчас вижу, как стоят две незнакомых человека и как-то очень хорошо, доверчиво улыбаются друг другу. В эти мгновения они, конечно, забыли, что один самолет не прилетел, а другой готовится улечься...

Когда Дудин приезжает в Иваново, в город своего детства и юности, то присматривается к нему всякий раз с пристрастием: и к старым уголкам его, с которыми связаны какие-то сокровенные воспоминания, и к любым новым приметам. Однажды, вскоре после присвоения ему звания Героя Социалистического Труда, он вот так же приехал в Иваново, и, помнитса, сказал:

— Нет ничего прекраснее родной земли! Куда бы ни занесла меня судьба, родина-то — здесь, корнями-то я — здесь. Приехав в Иваново, Михаил Александрович каждый раз навещает могилу матери в крохотной деревеньке Вязовское.

Я выйду в рожь. В родное поле.
В сенокос, как мои веники.
И, рухнув, выплачу на воле
Всю горечь страха и тоски.
И, может быть, из сердца
прянут
Слова, как птицы из силка.
И мне в глаза мои заглянут
Два материнских вазилка.

...И в тот зимний день мы с ним поехали в Вязовское. Дудин с интересом глядел в окно машины, иногда коротко бросал:

— Это место называлось Нахаловкой... А вот сейчас будет Талка. Она здесь еще крохотная... Ну, вот — Бибирево. Юрий Александрович, — склонился он к шоферу, — нельзя ли приостановиться?

Шофер ответил, что, конечно, можно.

Дудин внимательно рассматривал бело-желтую церквушку, домики возле нее.

— Хорошо глядится. Вель раньше люди свою землю с колоколен оглядывали. Залезь вот на нее и увидишь другую, а с той — следующую. Так всю землю и оглядят. А на месте того дома, что на отшибе, школа была. Вот мы, ребята, и бегали сюда из Клевенева. Каждый кустик, каждая копка были знакомы... Поехали, Юрий Александрович!

И через какое-то время снова:

— Сейчас слева будет Большое болото, а потом Малое... Ходила сюда кляхву соби-

рать... А на этой вот полянке в футбол гоняли...

Надо очень сильно любить свою малую родину, чтобы вот так, как он, радоваться встрече чуть ли не с каждой кочкой, каждым деревом, домом, чтобы помнить жителей соседней деревни, помнить, что пастуха дразнили странным прозвищем Токун.

Все, что прошло, и все, что станет,
О чем я плакал и молчал,
Нежнее с каждым годом
туда, к началу всех начал.

Вязовское одним боком пригнулось к дороге, ведущей на Фурманов. Михаил Александрович взял букет живых нарциссов и пошел в другой конец деревни, где под переквашкой на холме пригнись крохотное кладбище. Могила его матери — с краю погоста, возле тропки, набитой в снегу. Дудин снял шапку и положил цветы. Ветерок шевелил его легкие русо-белые волосы, и он время от времени отгребал их рукой. Во всей его беззащитной в этот миг фигуре, в этом большом небе над головой, в белом-белом снеге, на котором забили цветы, было что-то щемящее, берущее за сердце...

В его родное Клевеново мы не пробрались. «Волга» отступила перед снегом. А мне припомнилось, как в прошлый приезд Михаила Александровича мы стояли на берегу ролниковой Молохты-реки, возле обожженной одинокой сосны, и как Дудин обмолвился, что дом, в котором он родился, был продан родственниками и перевен новыми владельцами в город Фурманов. Где он, кто живет в нем? Я не знаю, пытался

ли Дудин разыскать его. Спросить об этом не решился. Но мне кажется, он часто вспоминает о нем. И, может, отчасти поэтому всячески содействовал тому, чтобы свою вторую жизнь обрел дом его друга, большого художника и человека Бориса Ивановича Пророкова.

Собственно, главная цель его поездки в Иваново была связана с этим домом, ставшим недавно Домом-музеем.

Сегодня как-то трудно представить себе без него культурную жизнь Иванова. Здесь собраны многие уникальные работы художника, подаренные женой его, Софьей Александровной, с любовью воссоздана обстановка дома. Традиционными стали музыкальные вечера, на которых, как правило, звучат произведения, исполнявшиеся отцом, матерью и самим Борисом Ивановичем, или просто любимые в семье Пророковы.

Гостями такого музыкально-поэтического вечера и стали на сей раз Михаил Александрович и Софья Александровна. И даже, скорее всего, не гостями, а хозяевами. Они делились своими воспоминаниями, и перелом собравшимися оживал образ прекрасного мастера, бойца, человека.

Земляки-ивановцы Пророков и Дудин впервые встретились во время войны на Ханко, гарнизон которого героически сражался в тылу врага. Здесь-то и родились многие их совместные сатирические выпуски в газете «Красный Гангут». Здесь написали они знаменитое письмо барону Маннергейму в духе письма запорожцев султану, за

которое поэт и художник были заочно приговорены противником к смертной казни.

Позднее Борис Иванович писал Дудину: «Почаше напоминай людям о тернистом пути нашем к миру...».

Давно написаны эти слова, но как актуально, современно звучат они и сегодня. И Дудин — поэт, гражданин не устает говорить об этом, говорить страстно, используя любую возможность. Вот и в только что вышедшей его новой (на сей раз прозаической) книге «Поле притяжения» главной темой стала тема мира. Рассказывая о виденном и пережитом во время войны, Дудин каждой клеточкой своего сердца и разума желает, жаждал, чтобы над нашей землей было безоблачное небо.

«Поле притяжения» — это книга воспоминаний поэта. На ее страницах оживают образы Ольги Берггольц, Ярослава Смелякова, Кайсына Кулиева, Мустая Карима, Николая Тихонова и многих других советских поэтов. Для ивановцев она интересна еще в том, что Михаил Александрович с любовью и признательностью вспоминает эпизоды, связанные с жизнью своих земляков — Александра Благова, Дмитрия Семеновского, Виктора Полторацкого, Владимира Жукова...

В этой книге, на каждой ее странице то пульсирует, то как бы стеснительно маскируется родничок, с которого начинался когда-то исток и самого Дудина, родничок, бывший из недр ивановской земли.

В. СЕРДЮК